

В О С П О М И Н А Н І Е

•

ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ НИКОЛАѢ, ЕПИСКОПѢ ТАМБОВСКОМЪ.

Епископъ Николай управлялъ Тамбовскою паствою 16 лѣтъ: посвященъ въ санъ архіерейскій въ С.-Петербургскомъ казанскомъ соборѣ митрополитомъ Серафимомъ 14 апрѣля 1841 года и оставилъ управленіе Тамбовскою паствою, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, въ апрѣль 1837 года.

Послѣ его кончины прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ скончался послѣ долголѣтней болѣзни, 23 октября прошлаго 1864 года въ Трегуляевскомъ монастырѣ, гдѣ-жилъ на покое. Память о немъ очень свѣжа въ кругу его паствы; но для этой памяти недостаточно отрывочныхъ наблюденій и свѣдѣній, которыя принадлежатъ различнымъ лицамъ и вмѣстѣ съ ними могутъ скончаться, не доставивши грядущему поколѣнію. Біографія епископа Николая, помѣщенная въ Историко-статистическіе

успѣхи наукъ естественныхъ способствовали открытію очень значительныхъ второстепенныхъ причинъ и отклонили необходимость прибѣгать, по примѣру древнихъ, для объясненія явленій природы къ непосредственному дѣйствію Божества и вслѣдствіе сего образовавшееся покушеніе обходиться безъ Бога, повидному, шло до извѣстной степени успѣхъ; то отсюда сколько погрѣшно, столько же и самонадѣянно стали выводить, не доходя до болѣе глубокихъ началъ и основаній, то заключеніе, что будто разумъ человѣческій самъ собою не можетъ представить никакаго доказательства относительно истины бытія Божія, и обратили такимъ образомъ свѣтъ разума человѣческаго къ ослѣпленію его же самаго.

стическомъ Описаніи Тамбовской Епархіи, также неудовлѣворительна для почитателей онаго архипастыря, потому что исключительно основана на официальныхъ документахъ, изъ за которыхъ мало и слабо выставляется его личность. А личность эта—замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Пока свѣжа могила Преосв. Николая, мы дѣлаемъ попытку положить на нее скудный вѣнокъ, приглашая всѣхъ желающихъ прибавить къ нему свои цвѣтки и узоры.

Между современными русскими святителями онъ занималъ не послѣднее мѣсто по образованію и нравственному достоинству; а между русскими людьми онъ возвышался надъ дюжинною посредственностію своими типическими особенностями. Физіономія его лица, съ выразительными чертами, отличалась суровостію, которая съ перваго взгляда внушала страхъ и отталкивала отъ него людей, доколѣ они не узнавали, какое сердце скрывалось подъ суровою паружностію. Суровой паружности его лица и взгляда отвѣчалъ и его голосъ, не издававшій мягкихъ и нѣжныхъ звуковъ. За то слово его, подъ такими звуками, было полно силы, вѣрности и блистало неврами русскаго ума, и ума глубокаго. И въ то время, когда языкъ его еще не былъ парализованъ, онъ не любилъ говорить много; но въ немногомъ онъ умѣлъ сказать многое, и слова его—глубоко врѣзывались въ памяти тѣхъ, къ кому они относились.

Въ Кіевскую дух. Академію онъ поступилъ въ 1825 году изъ Сѣвскаго дух. Училища Орловской губерніи, гдѣ былъ учителемъ. Слышно было, что побужденіемъ къ этому была смерть его невѣсты, послѣ которой онъ не рѣшился вступить въ бракъ. Въ академіи онъ принятъ на высшее отдѣленіе, и слушалъ уроки два года только по предметамъ бого-

словескимъ. Но дарованія его были столько сильны, что и послѣ двухгодичнаго ученія онъ получилъ степень магистра Академіи. Вскорѣ по выходѣ изъ Академіи онъ вступилъ въ монашество, и на поприщѣ воспитанія духовнаго юношества провелъ 15 лѣтъ, изъ которыхъ пять годовъ имъ посвящены въ С.-Петербургской Дух. Академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ и преподавателемъ Правос. Богословія. Одинъ изъ его слушателей, давно уже профессоръ академіи, такъ отзывался о лекціяхъ Пресв. Николая: «онъ не могъ усвоить себѣ академической «методы, которой слѣдовали другіе наставники, но, «преподавая по семинаріямъ (Могилевской, С.-Петербургской, Пензенской и Ярославской), онъ не «могъ или не хотѣлъ отстать отъ методы семинар- «ской: говорилъ ясно, просто, отчетливо, опредѣ- «ленно, положительно, но не много, и это не «многое любилъ повторять; послѣднее и не пра- «вилось нѣкоторымъ студентамъ, склоннымъ къ «пылкому и цвѣтистому слову. За то студентамъ «въ академіи не могла не нравиться его сердеч- «ная внимательность къ нимъ, которой откры- «то онъ не показывалъ, но въ которой они бы- «ли увѣрены. Эту внимательность онъ считалъ «долгомъ каждаго наставника, которая однакожъ «не всегда соблюдалась въ его время.»—Одинъ мо- лодой наставникъ Тамбовской Семинаріи, только вышедшій изъ Академіи, явился къ нему за благословеніемъ предъ вступленіемъ въ должность; пресвященный Николай, благословляя его, сказалъ: «будьте внимательны къ ученикамъ.» Въ Академіи онъ завѣдывалъ, при ректорской должности, изда- ніемъ журнала: «*Христіанское Чтеніе*» и помѣ- щалъ въ немъ свои статьи. Безъ сомнѣнія, на этомъ журналѣ онъ положилъ свою печать; но ее можно опредѣлить только чрезъ сличеніе предше-

ствующихъ и послѣдующихъ годовъ времени его ректорства. Кажется, безошибочно можно сказать, что преосвященный Николай, завѣдывая Христіанскимъ Чтеніемъ, далъ толчекъ духовной литературѣ къ борьбѣ съ русскими расколами и ересями, и съ этою цѣлію, между прочимъ, помѣщалъ въ своемъ журналѣ историческія извѣстія и постановленія соборовъ православной церкви. Другою особенностію его, которая, конечно, отражалась на Христіанскомъ Чтеніи, это—строгость его критики. Критика его всегда наводила страхъ на тѣхъ, кто не могъ се миновать; но за то она и приводила въ восторгъ, кто ею не обижался. Преосвященный Николай, читая чужое произведеніе, быстро схватывалъ несообразность выраженій и логическихъ выводовъ, и дѣлалъ поправки, которыя изумляли васъ своею точностію и вѣрностію. Его критика, случалось, замарывала отъ первой до послѣдней строки въ сочиненіи людей, которые имѣли страсть къ писанію и приписывали себѣ литературное достоинство. Но гдѣ не имѣлось этой претензіи, тамъ только онъ наблюдалъ за вѣрностію и назидательностію мысли, не преслѣдуя ея изложенія, особенно если не было надобности извѣстнымъ людямъ въ усовершенствованіи своего краспорѣчія.

Его собственные сочиненія, изъ которыхъ большая часть безвозвратно потеряна, отличаются впрочемъ не столько блескомъ краспорѣчія, сколько ясностію и глубиною мысли. Много перепечатано рѣчей, которыя говорятъ при пареченіи въ епископскій санъ русскими архимандритами. Но между эти рѣчами выдаются съ отпечаткомъ личности ихъ сочинителей въ особенности двѣ: одна архіепископа Нипокентія, и другая епископа Николая. Первая поражаетъ васъ блескомъ витійства; послѣдняя — сплюю ума и чувства. Въ своей

рѣчи епископъ Николай, упоминая о Златоустѣ и Григоріѣ Богословѣ, точно походилъ какъ въ это, такъ и въ другое время, на послѣдняго великаго святителя церкви. Тамбовскіе жители помнятъ, какъ преосвященный Николай съ однимъ посохомъ въ рукѣ, безъ наоя и тетради, возвѣщаль имъ слово истинны, и какое впечатлѣніе оставляло въ нихъ это слово, свойственно толькое ему одному по оргинальности своего слога. Экспромтное произведепіе въ Тамбовѣ принадлежитъ къ первымъ годамъ его епископства; съ 1850 года онъ уже замолкъ, потерявъ органъ слова. Одна госпожа среди разговора въ его домѣ съ грустію напомнила ему о потерѣ, какую понесла Тамбовская паства чрезъ его болѣзнь.—«А мое молчаніе развѣ не поучительно?... Многіе многому учились у молчальниковъ; только жаль, мое молчаніе не произвольное.»—«Но жаль же, что мы не слышимъ въ храмѣ проповѣди,»—замѣтила госпожа.—«Проповѣди говорятся въ одной здѣшней церкви, отвѣчалъ преосвященный, за раннею литургіею.»—«За раннею литургіею?—возражала госпожа; кто же ихъ слушаетъ? Дураки развѣ?»—«Нѣтъ, дураки долго спятъ,» отвѣчалъ преосвященный. Такъ перѣдко осаждалъ остроумный владыка пылъ и задоръ страсти, или легкомыслія, необдуманно высказавшихся. Изъ этихъ нрѣчепій могла бы набраться цѣлая коллекція; только, какъ попятно, она не можетъ быть составлена однимъ лицомъ.

Священникъ Георгій Хитровъ.

(Продолженіе будетъ)~

ВОСПОМИНАНІЕ

ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ НИКОЛАѢ,

ЕПИСКОПѢ ТАМБОВСКОМЪ.

(Окончаніе.)

Игривое и рѣдкое глубокомысліе Преос. Николай показывалъ по преимуществу въ обществѣ близкихъ ему людей; въ дѣлахъ и въ кругу оффиціальномъ онъ наблюдалъ холодную точность, скрывая впрочемъ подъ нею свое снисхожденіе и благодѣтельныя памѣренія. Среди подчиненныхъ онъ не всегда встрѣчалъ соотвѣтствіе его требованіямъ и ихъ собственнымъ обязанностямъ. О промахахъ, недостаткахъ, проступкахъ онъ ясно никому не говорилъ; но каждому изъ подчиненныхъ давалъ понимать, что отъ него не скрыты ихъ погрѣшности. Для этой цѣли у него употреблялись различныя знаки и выраженія его остраго и строгаго взгляда, и приемы при благословеніи, а иногда нѣкоторыя, повидимому, странныя движенія. Случалось, во время богослуженія, стоя предъ престоломъ, онъ тычетъ въ него пальцемъ. Это было знакомъ, что въ церкви или въ службѣ что — нибудь не такъ, и догадывались, чѣмъ онъ былъ не доволенъ и что слѣдовало исправить. Если же не понимали его намековъ, онъ пояснялъ ихъ, но не иначе какъ лапидарною фразою. Онъ былъ добръ для подчиненныхъ, но для него не всѣ были добры, и онъ терпѣлъ отъ нѣкоторыхъ лицъ обиду, даже горькую, вѣроломную. Въ такомъ случаѣ онъ высказывался не столько словами, сколько слезами. И плакалъ онъ не объ обидѣ своей,—онъ къ этому былъ

мало чувствителенъ, а объ испорченности людей, которые могли по страсти дозволить себѣ такіа обиды. И онъ не мстилъ, а давалъ имъ дорогу, выводилъ въ люди.—«Они такъ устроены; ихъ не-
«редѣлать нельзя: ихъ нужно терпѣть, сторонить-
«ся, а трогать не вѣлно.»—Объ иныхъ говорилъ: «я
«ихъ возставилъ,—пусть стоятъ твердо; унадутъ,—
«не мое дѣло.»—Однакожъ вѣрилъ въ несправильность
человѣческой природы, и на этомъ основаніи доз-
волялъ себѣ аллегорическіе способы исправленія.
Приходилось ему и обманываться, его неправи-
тельные—выжидательные приемы не всегда оправ-
дывались.—«Эка! я ошибся; жаль» повторялъ онъ
печальнымъ тономъ.

Въ дѣлахъ административныхъ и судебныхъ
преосвященный Николай имѣлъ своимъ правиломъ
ограждать себя форменнымъ производствомъ. Форм-
мой онъ думалъ отстранить отъ себя парсканіе въ
произволѣ; въ формѣ искалъ для себя гарантіи
отъ ошибокъ; формою хотѣлъ сдѣлать честь под-
чиненнымъ коллегіямъ. Въ то время, когда фор-
мальность и форменность стояли на высотѣ своего
развитія, отрѣшаться отъ формы было затрудни-
тельно. Впрочемъ среди справокъ, мѣній, докла-
довъ преосвященный Николай самъ видѣлъ съ
прискорбіемъ неутѣшительные результаты своего
уваженія къ формѣ. При всей твердости характе-
ра, онъ воздерживался отъ стойкости, которая
требовалась въ иныхъ дѣлахъ, и, махнувъ рукой,
предоставлялъ такіа дѣла времени.

Но отъ апатіи онъ былъ далекъ и при болѣз-
ненномъ своемъ состояніи. Вокругъ него всегда
были люди, которые подавали ему помощь въ за-
труднительныхъ случаяхъ. Чего не выясляла въ
нѣкоторыхъ дѣлахъ казенная форма, то открыва-
лось въ домашней дружеской бесѣдѣ. Въ этой бесѣдѣ

сѣдѣ участвовало значительное количество лицъ въ теченіе 16-ти лѣтняго управленія епископа Николая Тамбовскою паствою. Одни изъ нихъ свою любовь къ нему унесли съ собою въ иной міръ; другіе, оставшіеся въ живыхъ, хранятъ въ своемъ сердцѣ вмѣстѣ съ ней и черты его характера. Лица эти принадлежатъ къ всѣмъ сословіямъ, за извѣстнымъ исключеніемъ. Оставляя въ сторонѣ живыхъ почитателей архипастыря Николая, память объ умершихъ сливается съ его памятью. Изъ послѣднихъ нельзя умолчать о З. И. Тр — скомъ, который пользовался расположеніемъ и довѣріемъ преосвященнаго Николая не менѣе 10 лѣтъ, и который оказалъ ему много услугъ. Обладая мѣстными свѣдѣніями при знакомствѣ со многими лицами въ губерніи, З. Ив. дѣлился съ преосвященнымъ Николаемъ этими свѣдѣніями и былъ полезенъ ему при оцѣнкѣ духовныхъ лицъ, при распредѣленіи ихъ по мѣстамъ, при устроеніи участіи спроть. Преосвященнаго Николая связывала дружба съ З. Ив. не по однимъ его услугамъ, но, между прочимъ, по одинаковости воспитанія и нравственнаго характера. Интересъ этой дружбы такъ былъ великъ въ глазахъ преосвященнаго Николая, что онъ горько и громко плакалъ, опуская въ могилу Захарія Ивановича. (Захарій Ив. померъ въ Октябрѣ 1852 г.) Другіе почитатели епископа Николая большею частію служили ему отъ имѣній своихъ, подобно древнимъ благотворителямъ церкви. Отъ нихъ онъ разновременно пріобрѣлъ весьма нескудную ризницу, оставленную имъ своимъ преемникамъ; этимъ почитателямъ вѣрялъ на воспитаніе дѣвицъ-сиротъ и выдавалъ въ замужество съ ихъ пособіемъ; изъ этихъ почитателей нѣкоторые сами вызывались на украшеніе и построеніе церквей; нныя убѣждены преосвя-

щеннымъ Николаемъ въ домашнихъ бесѣдахъ къ устроению семейной жизни по духу православной церкви. — «Преосвященный владыка! я хочу устроить храмъ.» — «Это доброе благоугодное дѣло.» — «Но мнѣ хотѣлось бы лечь костями своими въ этотъ храмъ,» — продолжалъ господинъ. — «Вашъ памятникъ будетъ не въ мѣру для васъ-тяжелъ. Лягте лучше подлѣ него, и онъ осѣнитъ васъ, сколько нужно. Его сѣнь и святыня гораздо лучше камней, которыми вы хотите придавить себя.» — Другая госпожа говорила: «я очень люблю церковь Божию.» — «Любите, и она васъ полюбитъ.» «Такъ; но я опасуюсь за свое спасеніе.» — «Отчаянія берегитесь.» — «Во мнѣ не отчаяніе, а вотъ я все злосъ и бранюсъ съ домашними... войду ли я въ царство небесное?» — «Туда не виидеть ничто-же скверное,» — былъ ей отвѣтъ.

Чрезъ знакомство и частыя бесѣды преосвященный Николай пріобрѣталъ свѣдѣнія о нравственномъ состояніи общества и объ отношеніи духовенства къ мірянамъ; свѣдѣніями этими и руководился въ пастырскомъ дѣлѣ своемъ. При встрѣчѣ съ священниками, онъ неожиданно для нихъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, давалъ имъ руководительныя правила, выражалъ ихъ въ короткихъ словахъ: «такъ или такъ нужно-смотрите?» — По тѣмъ же свѣдѣніямъ онъ иногда распредѣлялъ часы своей службы и назначалъ самую службу, чтобы съ одной стороны дать свѣтскимъ людямъ удобность присутствія при богослуженіи, а съ другой впустить имъ нужный урокъ. Такъ въ зимнее время по праздничнымъ днямъ онъ начиналъ литургію не ранѣе 10 часовъ утра, а въ царскіе дни, большіе и малые, служилъ неупустительно, въ намѣреніи между прочимъ, собственнымъ примѣромъ, противодѣйствовать бродившимъ въ обществѣ тем-

нымъ идеямъ; служба его привлекала значительное число богомольцевъ и въ праздничные и простые дни. Онъ и въ службѣ церковной былъ равенъ себѣ, оригиналенъ; держалъ себя просто, естественно во всѣхъ движеніяхъ, но простота выходила величественною; служба его шла петоропливо, безъ всякой намѣренной поспѣшности, но совершалась быстро, къ удовольствію людей, непривычныхъ къ молитвенному труду. Какъ ни хотѣлъ онъ угодить такимъ людямъ своею службою, но были отъ нея и уклоненія, которыя преосвященный, при случаѣ, и выставялъ напоказъ. — «Вы сего дня не «были въ церкви,» — замѣтилъ онъ въ одинъ царскій день одному губерньскому чиновнику, просившему архимандритаго благословенія. — «У меня церковь въ сердцѣ,» отвѣчалъ чиновникъ. — «А колокольня ваша гдѣ?..» Чиновникъ въ смущеніи не могъ ничего сказать о своей колокольнѣ и всѣ, сидѣвшіе за столомъ, поняли этого господина пустозвономъ.

Наблюдая общество, преосвященный Николай находилъ въ немъ много уклоненій и несообразностей; но на его взглядъ больше всего страдалъ женскій полъ. Потому, открывая свое сердце для всѣхъ, онъ въ особеннсти былъ щедръ на участіе и помощь беззащитнымъ женщинамъ. Онъ и понимали эту черту его характера и употребляли въ свою пользу. Къ этому обстоятельству, между прочимъ, надобно относить устройство нѣсколькихъ женскихъ монастырей и общинъ въ Тамбовской епархіи послѣ 1841 года. Епископу Николаю дѣло это стоило и хлопотъ и непріятностей; но онъ все переносилъ терпѣливо, въ убѣжденіи что довольное число женщинъ, кромѣ жизни духовной, найдутъ въ монастырской оградѣ пріютъ, покой и убѣжище отъ соблазновъ и житейскихъ невзгодъ.

Изъ того же источника у него происходила щедрая раздача мѣстъ дѣвицамъ—сиротамъ духовнаго званія, опъ еще присоединялъ къ ней и свое матеріальное пособіе при вступленіи ихъ въ замужество.—«У такой-то невѣсты, за которой зачислено «извѣстное мѣсто, — докладываетъ ему З. Ив., или «другій близкій посредникъ, — гѣтъ никакого при- «дапаго.»—«Вѣрю; передайте отъ меня, что у меня «найдется.» — И такія передачи слѣдовали одна за другой; опъ продолжался и по удаленіи его на покой, только назначался не для частныхъ лицъ, а поступали въ пользу духовныхъ училищъ.

Щедрость и благотворительность принадлежали къ отличительнымъ чертамъ правдиваго характера преосвященнаго Николая. Добродѣтель милосердія имъ исполнялась твердо и постоянно, конечно и въ видахъ соблюденія одного изъ монашескихъ обѣтовъ — нестяжательности. Нестяжательность его была рѣдкая, примѣрная. О завтрашнемъ днѣ опъ не думалъ никогда, и къ пріобрѣтенію имѣлъ рѣшительное равнодушіе. Къ празднику Рождества Христова и Пасхи въ Тамбовскомъ духовенствѣ едва ли былъ кто бѣднѣе преосвященнаго Николая: въ это время послѣ милостиваго подаванія у него не оставалось ни копѣйки. Нестяжательность подвергала его и испытанію. Такъ, когда онъ былъ вызванъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, ему не съ чѣмъ было отправиться въ столицу, и, конечно, пребываніе въ Петербургѣ для него было бы очень затруднительно, если бы не ссудилъ его пособіемъ одинъ, теперь уже почившій благотворитель. Отъѣздъ его въ столицу достоинъ замѣчанія. Прощаясь съ Тамбовскимъ духовенствомъ, преосвященный Николай горько плакалъ, и отъ слезъ не могъ сказать ни одного слова. Было понятно, отъ чего лились эти

слезы,—онъ не надѣялся и возвратиться къ своей любимой паствѣ, и сберечь здоровье въ столичномъ климатѣ, которое ужъ было явно надломлено. Последнее предчувствіе его оправдалось: здоровье его послѣ пріѣзда изъ С. Петербурга уже не поправлялось никогда. Къ болѣзни языка по временамъ сталъ присоединяться параличъ въ рукахъ, который мѣшалъ ему владѣть и перомъ.

При своей щедрости ко всѣмъ, кто прибѣгалъ къ нему за помощью, преосвященный Николай тѣмъ менѣе могъ не благодѣтельствовать своимъ роднымъ. По вступленіи его на паству Тамбовскую къ нему переселились изъ Орловской епархіи его родители, а за нимъ прибыли нѣкоторые и другіе его родственники. Мать недолго пользовалась преданною заботливостію сына-епископа, а родитель его служилъ при архіерейскомъ домѣ до 1854 года, въ санѣ протоіерея. Изъ родственниковъ особенно заботливостію отличены были его племянницы, которыя имъ пристроены съ приличнымъ награжденіемъ въ замужество въ духовномъ вѣдомствѣ. Но своей благотворительности къ роднымъ, при своей благородной честности, преосвященный Николай не простиралъ до неправды.

Послѣ занятій епархіальными дѣлами онъ посвящалъ остальное время чтенію. Чтеніе для него было насущною потребностію и даже страстію, которой онъ жертвовалъ значительною долею своего жалованья. Влѣдствіе этой своей привязанности, а съ другой стороны и по долгу ученаго, онъ имѣлъ у себя библіотеку, въ составѣ которой находились книги по разнымъ отдѣламъ науки и литературы. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе цѣнные, были выписаны изъ заграницы. Около 500 паз-

ланиі изъ этой библіотеки онъ пожертвовалъ въ Тамбовскую семинарію въ 1837 году (*).

Нельзя оставить безъ вниманія и часовъ его отдыха. Это большею частию были вечерніе часы, въ которые впрочемъ происходили сцены трагическаго и комическаго свойства. Свободный отъ разлнзныхъ просителей и посѣтителей, преосвященный Николай въ это время спѣшно ходилъ по комнатамъ, и при этой ходьбѣ рѣзко отдавался по нимъ его густой и свѣтлый басъ, напѣвавшій стихиры, irmosы и антифоны. По наблюденію лицъ, которыя слышали это пѣніе преосвященнаго, незримо для него, онъ чаще другихъ церковныхъ пѣсней съ особымъ чувствомъ пѣвалъ антифонъ: *зубы ихъ (злыхъ духовъ) да не ята будетъ душа моя, яко птенецъ, словеса увы мнѣ! како имамъ отъ врага избыти, грѣхолобивъ сый?* Но не всегда, когда еще пользовался здоровьемъ, онъ могъ свободно предаваться своему духовному отдыху; отдыхъ этотъ у него прерывали и памѣренію. Съ памѣреніемъ являлись къ нему люди, которымъ пужно было воспользоваться для своихъ цѣлей его свободнымъ часомъ и хорошимъ расположеніемъ духа. Въ это же время рвались къ нему угнѣтенные своею судьбою. — «Кто ты такой?» — спрашиваетъ однажды преосвященный, увидавъ высунувшуюся въ дверь голову. — «Дьячокъ, ваше пре — во.» — «Что тебѣ нужно?» — «Діаконское мѣсто;» отвѣчаетъ смущенный причетникъ, падая въ ноги. — «На что?» — «У меня 11-ть дѣтей, — вонить дьячокъ; кормить, нечемъ. — «Чтожъ такое? У Іакова было 12-ть сыновей, и тотъ не жаловался.» — «По

(*) Одинъ изъ наставниковъ семинаріи Тамбовской, при свѣданіи, благодарилъ преосвященнаго Николая за эти книги. Преосвященный улыбался, возразилъ: *а кто ихъ читаетъ??!!* —

если онъ получилъ мѣсто», отвѣчаетъ непонявшій шутки дячокъ, — «то и мыѣ окажите милость; до 12-ти дѣтей у меня только одного не достаѣтъ, и въ томъ я не виноватъ, владыко святой!..» — «Ну хорошо, я постараюсь тебѣ помочь,» — говорилъ ему преосвященный, надрываясь отъ смѣха при появленіи послѣдняго своего пупка. — «А ты за чѣмъ?» — спрашиваетъ преосвященный протодіакона, который нагибается въ дверяхъ, по привычкѣ нагибаться въ каждой двери, какой бы ни была она высоты, и нагнувшись подходитъ подъ благословеніе. — «Изъ своей дѣвчонки, ваше преосвященство.» — «Знаю, слышалъ, ... хорошо. — Да вотъ что, «на тебя жалуются, протодіаконъ. Ты давишь, почти душишь ставленниковъ.» — «Нѣтъ, кажись, ле-гонько берусь за шею,» рывкаетъ протодіаконъ, «хилы больно молодые-то левиты; чуть трогаю, «они уже кричатъ.» — «Съ хилыми-то и пужна осторожность.» — «Быть!» баситъ протодіаконъ, «остерегусь.» — Но какъ онъ не остерегался, а широкая и мощная длать протодіакона Саввы Александрыча всегда была чувствительна для ставленниковъ.

«Мы сей часъ только съ дороги», — говорятъ въ другой вечеръ новые посѣтители. — «Я радъ, прошу» — «Мы къ вамъ съ большою просьбою, преосвященнѣйшій владыко» — «Готовъ служить.» — «Имѣемъ честь доложить,» говорятъ посѣтители, которые прежде всякихъ приходскихъ совѣтовъ принимали къ сердцу свою приходскую церковь и радѣли о ней, не жалья своего кошелька на ея благоустроеніе. «Съ вашего архипастырскаго благословенія отлили новый колоколъ: теперь пожалуйте намъ дякона.» — «Я дяконовъ не отливаю.» — «И не безпокойтесь, у насъ есть на примѣтъ, мы уже нашли.» — «А онъ не годится?»

«Иѣтъ, годится Владыко, мы пробовали; такъ «на вылетъ все и выкатываетъ, особенно многая «лѣта.» Мнѣ пужно же разсмотрѣть.»— «Неужно, «убѣждаютъ просители; мы даже объ этомъ чело- «вѣкѣ поспорили, и по спору выходитъ онъ нашъ- «съ.»— «Пу, вы поспорили, я не спорю.»

«Къ вамъ, преосвященнѣйшій, пріѣхала госпожа Н.», торопливо прерываетъ келейникъ пѣніе начатой только преосвященнымъ стихиры.— «Проси.»— «Я пріѣхала къ вамъ, преосвященный, проститься, «развязно объясняетъ г-жа, и привезла дѣтей; «въ деревнѣ хочу учить ихъ; благословите.»— «Доб- «рое дѣло Богъ благословитъ.»— «Они у меня доволь- «по уже учились иностранному; теперь хочу учить «ихъ русской грамотѣ.»— «То есть послѣ скобеля то- «поромъ.»— «Что вы, что вы, преосвященный? Ны- «нѣ уже не топорное ученье, возражаетъ госпожа «обинуженнымъ топоромъ. Я запаслась новыми мето- «дами: прелесть что такое, заглядываясь, съ картин- «ками. Нынѣ хлопочутъ облегчить ученье дѣтей, «усладить, такъ сказать.»— «Да, хлопочутъ, только «забываютъ, что дѣти не игрушка, ученье—не за- «бава.»— «Однакожъ, какое сравненіе, съ горячно- «стію спрашиваетъ госпожа, между нынѣшнею и «старою методою ученья?»— «Плохое сравненіе, за- «мѣчаетъ спокойно преосвященный,—въ старомъ «букварѣ дѣти читали А—Ангель, ангельскій, Б— «Богъ, божескій, а по нынѣшней методѣ: А—аранъ, «арбузъ, Б—быкъ... вотъ и судите, что лучше.»— «Но вы опасаетесь, преосвященный, за религіозное «воспитаніе моихъ дѣтей? Я не думаю оставлять «этой стороны въ воспитаніи; я сама буду слѣдить «за изученіемъ Закона Божія, и не допущу, что- «бы мои дѣти отстали отъ церкви.»— «Дай Богъ, «чтобы въ вашихъ дѣтяхъ было Божеское выше «человѣческаго, церковное крѣпче мірскаго.» —

«Извините, Ваше преосвященство, если я мѣ-
 «шаю Вамъ своимъ посѣщеніемъ,» входя, говоритъ
 солидный господинъ, любитель духовнаго сана,
 близко стоявшій при губернской административной
 машинѣ.—«Стыдно вамъ, вы знаете, я вами не стѣ-
 «сняюсь.»—И начиналась бесѣда, и длилась до-
 вольно, пересыпаясь мнѣніями, сообщеніями, извѣ-
 стіями съ обѣихъ сторонъ, переходами мысли изъ
 одной сферы въ другую, изъ духовной въ мірскую,
 и обратно. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ этотъ гос-
 подинъ, который, надобно прибавить, любилъ по-
 судить и поспорить о духовныхъ предметахъ, от-
 кровенно высказалъ преосвященному Николаю не-
 благопріятныя для него мнѣнія, повторявшіеся
 нѣкоторыми лицами среди его паствы. «Васъ
 «обвиняютъ, преосвященнѣйшій, одни въ избыткѣ
 «любви и милости къ подчиненнымъ, другіе ви-
 «дятъ въ васъ просто слабость, отъ которой не
 «сдерживаются и не сокращаются слабости и без-
 «порядки въ подвѣдомомъ вамъ духовенствѣ, короче:
 «васъ упрекаютъ въ слабости управленія паствой.—
 —«Знаю отвѣчалъ задумчиво преосвященный; на
 «насъ пятна виднѣе, чѣмъ на другихъ. Вотъ и хо-
 «тятъ, чтобы я отцѣживалъ комаровъ, безъ пожи-
 «ранія верблюдовъ, пололъ плевелы, не трогая пше-
 «ницы. Мудрено это. И вашъ гражданскій законъ
 «позволяетъ себѣ прощать до девяти виновныхъ,
 «чтобы не наказывать, по неосмотрительности, даже
 «одного виновнаго. Церковь не хуже же этого зако-
 «на. Я знаю и увѣренъ, что снисхожденіемъ своимъ
 «и прощеніемъ я меньше дѣлаю грѣха, чѣмъ сколь-
 «ко бы сдѣлалъ строгостію. Отъ строгости близко
 «до жестокости, а за нею неминуемы неправды и
 «грѣхи, вопіющіе на небо. Я этого не хочу. Я знаю
 свою паству больше, чѣмъ думаютъ.

Къ концу управленія паствою болѣзнь преосв. **Николая** постепенно усиливалась и затрудняла для него отправленіе его обязанностей. Служить сталъ онъ рѣдко, и когда совершалъ литургію, произносилъ возгласы съ трудомъ, а молитвы и возгласеніе Царской Фамиліи на великомъ выходѣ—почти совсѣмъ невнятно, и послѣ каждой службы чувствовалъ себя дурно. Въ такомъ положеніи онъ открылъ переписку съ С.-Петербургскимъ митрополитомъ Григоріемъ, и по совѣту его подалъ прошеніе объ увольненіи на покой. Покой, по его желанію, назначенъ ему въ Трегуляевскомъ монастырѣ, съ правомъ настоятельства, при особомъ настоятель—Архимандритѣ. Отъѣздъ съ паствы въ монастырь былъ для него очень тяжелъ. — «Я ѣду умирать; не забудьте меня!» — сказалъ онъ при прощаніи Тамбовскому духовенству, обливаясь слезами. Въ началѣ его пребыванія въ Трегуляевѣ его посѣщали нерѣдко прежніе постоянные собесѣдники, а потомъ посѣщенія стали рѣже и рѣже. Причина состояла не въ перемѣнѣ расположенія его почитателей, а въ его болѣзни. Сначала онъ, хотя съ трудомъ, владѣлъ своимъ языкомъ, а потомъ говорить ему стало даже опасно, и онъ обрекъ себя на молчаніе. Оно-то и отвлекало его почитателей отъ посѣщеній. Въ первый годъ его жительства на покой монастырь сдѣлалъ ему честь нѣкоторыми поправками въ квартирѣ, для чего между прочимъ была сломана входная лѣстница и замѣнена доской. На этотъ разъ пріѣхалъ навѣстить его одинъ господинъ и, поднявшись по этой доскѣ, былъ встрѣченъ преосвященнымъ **Николаемъ** въ залѣ. «Какъ тѣсень путь къ Вамъ, Владыко,» — воскликнулъ посѣтитель, цѣлуясь съ преосвященнымъ. — «Вовсе нѣтъ: по нему ходятъ у меня свободно; онъ тѣсень развѣ для тѣхъ, кто ходитъ широкимъ пу-

«темъ.» — Господишъ смолчалъ; но послѣ теченіе бесѣды дозволило ему уколоть и преосвященнаго Николая. — Въ это время летали въ комнатѣ комари; преосвященный Николай, поймавъ одного комаря, сказалъ: «вотъ, я это насѣкомое сейчасъ «задавлю, но воскресить не могу. Такъ думалъ я «о бѣдныхъ и слабыхъ члспахъ духовенства, и не «хотѣлъ давить ихъ.»

Въ первые годы монастырскаго покоя, когда служили ему ноги, онъ развлекалъ себя въ лѣтнее время прогулками по монастырскому лѣсу и находилъ въ нихъ не одно удовольствіе, но и подкрѣпленіе своимъ силамъ. Но время отъ времени ноги его становились слабѣе, и прогулки сдѣлались для него затруднительными. Въ такомъ положеніи онъ совершенно отдался чтенію и занимался имъ непрерывно, сидя въ креслахъ. Занятіе это, издавна ему привычное, было для него тѣмъ удобнѣе, что глаза не измѣняли ему до послѣдней минуты. — Вамъ «предно, Владыка, это никогда непрерывное чтеніе? — «Нѣтъ, чѣмъ болѣе слабѣю тѣломъ, тѣмъ болѣе «бодрѣю духомъ; чѣмъ меньше тѣмъ, тѣмъ жаднѣе «становлюсь духомъ.» — Но ночамъ также въ креслахъ онъ совершалъ келейную молитву предъ икономъ, на которомъ лежала книга и стояло распятіе Христово. Въ храмъ выходилъ съ помощію проводниковъ и слушалъ богослуженіе сидя въ алтарѣ.

Въ городъ выѣзжалъ рѣдко, и каждый разъ, на обратномъ пути въ монастырь, непременно посѣщалъ кафедральный соборъ, гдѣ служилъ панихиду о святителѣ Нитиримѣ, предъ его гробницею. Каждый разъ можно было замѣчать перемѣну въ его лицѣ; лице его болѣзненное, время отъ времени, становилось полнѣе; но полнота эта была фальшивая, неестественная, одутливая, какъ послѣдст-

віе прежнихъ частыхъ кровопусканій, имъ пепытанныхъ. Послѣдній выѣздъ его въ Тамбовъ былъ за мѣсяцъ до его кончины.

Кончина преосвященнаго Николая предварена сильнымъ апоплексическимъ ударомъ, послѣ котораго оставался почти безъ движенія болѣе трехъ недѣль. За три дня до кончины онъ пожелалъ принять схиму, и былъ постриженъ и облеченъ въ нее, по распоряженію преосвященнаго Θεодосія, мѣстнымъ архимандритомъ Викторомъ.

Отрѣшившись совѣмъ отъ міра, преосвященный Николай не оставилъ послѣ себя никакого завѣщанія, кромѣ высказаннаго имъ Тамбовскому духовенству: *«не забудьте меня.»* Письменное завѣщаніе объ имуществѣ онъ не считалъ и нужнымъ,—завѣщевать было печего.

Погребеніе тѣла его совершенно преосвященнымъ епископомъ Тамбовскимъ Θεодосіемъ съ духовенствомъ, 23 Октября 1864 года, въ день воскресный. Къ погребенію стеклось значительное число Тамбовскихъ горожанъ и окрестныхъ поселянъ, не смотря на осеннюю погоду и неудобства дороги къ Трегуляеву монастырю.

Миръ праху твоему, доблестный и добрый архипастырь! Въ тебѣ находили слабости и недостатки: но часто ли можно встрѣчать на землѣ глубокой умъ съ глубоко-чувствительнымъ и нѣжнымъ сердцемъ; высокое благородство духа съ столь же высокою простотою, образованность съ самоотверженіемъ и самообладаніемъ, пестяжательность съ щедростію, прямое и твердое христіанское благочестіе безъ лицемерія и тщеславія, возвышенность духа съ кротостію и незлобіемъ?! А это—духовный портретъ усоншаго преосвященнаго епископа Николая, въ схимонасѣхъ *Филарета*.

Священникъ Георгій Хитровъ.